

Е.А. РЫЖОВА

МОНАСТЫРСКАЯ ТОПОГРАФИЯ РУССКОГО СЕВЕРА: АНТОНИЕВО-СИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ*

В настоящее время исследователями вполне справедливо отмечается, что монастырская топонимия «пока не описана и изучена неудовлетворительно»¹, а в существующих работах данному вопросу отведена эпизодическая роль².

Как считает Е.Л. Березович, «имеющихся сведений, однако, иногда достаточно, чтобы утверждать, что монастыри иногда имели собственную “сакральную карту”, которая была сориентирована на прецедентный библейский топонимикон. Создание такой карты преследовало цель “дивинизации” монастырского пространства, творения “поместья Бога на земле”; воссоздание сакрального топографического прецедента повышало статус монастыря, что прекрасно выражено в названии Новый Иерусалим»³. Так, Г.И. Лиса приводит примеры подобных названий, появившихся в XIX в. на территории двух монастырей Украины: долина Иоасафова, гора Елеоньска, ручьи Кедрьский и Силуамьский, горы Синая и Фавор⁴. Е.А. Черепанова указывает на существование топонимов Самария и Мамврийский Дуб в Сумской области⁵.

Монастырская топография Русского Севера, как показывает наш материал, обладает рядом особенностей. Они обращают исследователя не только к поискам примет «дивинизации» своего пространства монастырями (которые пока не обнаружены и вряд ли будут обнаружены в большом количестве), а к исследованию почитания святого, основавшего монастырь, и монастырских святынь.

В сакральной топографии Русского Севера спроецировано монастырское и мирское, в целом, – местное – почитание святого и святынь, им основанных или связанных с его именем, которое зачастую находится в русле так называемого народного православия.

Этот процесс отражен в устной и в письменной традиции Северного края, под которой в первую очередь мы имеем в виду агиографическую традицию, описывающих подвижническую деятельность святых – основателей храмов и монастырей на Русском Севере.

Взаимодействие мирского и монастырского почитания святого и святынь монастыря вполне объяснимо, поскольку «действие монастыря, – как писал В.О. Ключевский, – простиралось и на население, жившее

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 01-04-50003 а/с.

за его оградой... вокруг пустынного монастыря образовывались мирские, крестьянские селения, которые вместе с иноческой братией составляли один приход, тянувший к монастырской церкви»⁶. Следует также отметить еще одно явление, присущее монастырской жизни на Русском Севере: создание мирских монастырей. А.И. Копанев отмечал, что «в северных волостях, помимо исконных угодий общего пользования, в XVII в. продолжали существовать и искусственно созданные общинные владения – земли приходских церквей. Поставленные, как правило, по инициативе волощан, приходские церкви в материальном отношении зависели полностью от прихожан. Волость, обращаясь к духовным властям за разрешением поставить церковь, обязывалась обеспечить ее землей, необходимой для содержания служителей церкви. Зависимость клира от волости объяснялась и тем, что его представители выбирались волостью из своей же среды. Выбор лишь утверждался духовными властями ... Клер обеспечивался и жильем за счет волости... Изредка на такой же основе строились мирские монастыри, которые содержались волостью». Примером подобного мирского монастыря может служить Лявлин монастырь⁷; Чирцовая пустынь являлась также «монастырем, построенным крестьянами»⁸.

Как показывают наши наблюдения над материалом, почитание святого и святынь монастыря, им основанного, проявляется в первую очередь в особом внимании к топографии пути, которым святой шел к месту основания будущего монастыря.

Рассмотрим явление сакральной монастырской топографии на примере существования Антониево-Сийского монастыря, основанного Антонием Сийским в 1520 г. на р. Сие, впадающей в Михайлово озеро, в Двинском крае.

В Житии Антония Сийского Первоначальной редакции, составленной в 1578 г. иноком Антониево-Сийского монастыря Ионой, указывается следующий путь Антония из Новгорода на Сию.

Как говорится в Житии, Антоний (тогда еще Андрей), после смерти его жены и хозяина, у которого он работал, решает уйти из мира и направляется из Новгорода, где он тогда находился, в монастырь Пахомия Кенского: «И устремися в предѣлы Каргопольския области на рѣку на Кѣну, иже из великаго езера, Кено-озеро нарицаемаго, в великую рѣку Онѣгу течяше, и иде в монастырь всемилостиваго Спаса Боголѣпнаго Преображения в Пахомиеву пустыню, иже бѣ Кѣньский нарицается. По малѣ же времени Богу наставляющу блаженаго, преиде путь свой, радуясь»⁹.

Немного не дойдя монастыря Пахомия Кенского, Антоний «обношеваше ту единѣ на пути», «яко за пять поприщъ». В «тонком сне»

Антонию было явление ангела, который предсказал ему иноческое поприще: «Сие же ему со слезами молящеся, в тонокъ сон сведень бысть и зрѣть мужа священнолѣпна, ангелолѣпными сѣдинами украшена, в бѣлахъ ризахъ оболчена, крестъ в рукахъ держаща, глаголюща къ блаженному: “Возми крестъ свой, гряди въслѣд мене, иди, подвижайся, не убойся козней дьявольскихъ, будеши бо муж желаний духовныхъ, пустынное воспитание и множеству инокъ наставникъ явишися”. И благословляетъ блаженнаго крестомъ, иже бѣ в рукахъ его, глагола ему: “Сим побѣжай лукавыя духи!”. Възбнувъ же блаженный, обозрѣвся всюду и невидящу никогоже, разсужаетъ видѣние въ сердцы своемъ, радости многи исполнися: разумѣ бо блаженный, яко Божия нѣкая сила видѣнное»¹⁰.

В более поздней Исторической редакции Жития Антония Сийского, созданной в начале 20-х гг. XVIII в. предположительно архимандритом Антониево-Сийского монастыря Никодимом¹¹, отражены сведения о почитании того места, где Антоний увидел ангела. Приводится в данной редакции предание о сосне¹², стоящей на пути к обители Пахомия Кенского, под которой Антонию явился ангел и предсказал ему духовное поприще: «Воспомянути же и сие подобаетъ, яко древо оно, при немъ преподобный божественное видение виде, стояше нерушимо, посемъ яко летѣ двести»¹³.

Предание о сосне сопровождается в данной редакции сюжетным рассказом о монахе Кенского монастыря Николае, который пострадал за то, что решился «безъ разсуждения посети е (сосну. — *Е.Р.*) на некую монастырскую потребу» и «обаце за дерзновение не безъ наказания пребысть»: «Посекающу бо ему то древо, первее две секиры сокруши. Та же едина малейшая часть отторжесе секомаго древа, зельне вреди ему око десное, имже боля бе многи дни, дондеже прилежными молитвами Бога и его угодника умилиствовивъ и на месте ономъ молитвенный храмъ создати обещася, исцеление получивъ»¹⁴.

На этом месте, где прежде стояла чудесная сосна, действительно позднее была построена часовня, которая существовала и во второй половине XIX в. Об этом свидетельствует вклеенный в рукопись из собрания Е.В. Барсова № 1078 (ГИМ) карандашный рисунок часовни с надписью: «Видъ часовни, где начеваль пр. Антоний Сийской, идя въ Кенский монастырь, и здесь явился ему пр. Пахомий Кенский. Рисов. кар. с натуры, 2 августа, въ 8 часовъ вечера, въ понедельникъ. Чернил. 29 октяб. Пятница въ 1 часу пополудни, 1871 г.»¹⁵.

Более подробно в Житии Антония Сийского автор описывает путь Антония из монастыря Пахомия Кенского, в котором он принял постриг, в Двинской край, на реку Сию, где святой основал монастырь.

Сначала с двумя иноками Александром и Иоакимом преп. Антоний из монастыря Пахомия Кенского отправился вниз по реке Онеге («И устремися прямо северныхъ странъ внизъ по велицѣй рѣцѣ Онѣзѣ») ¹⁶ и дошел до реки Шелексы («Прииде же преподобный на рѣку на Шелексу и проходилъ тамо с прежереченными двема братами си многи лѣсы и дебри непроходимыя, ищуще Богоугодна мѣста») ¹⁷.

Затем подвижник достиг порога Темного на реке Емце, где основал монастырь в честь Николая Мирликийского: «И пришед оттуду на рѣку на Емцу, к порогу Темному глаголемому. И ту возлюбѣ мѣсто то, и многи молитвы на мѣстѣ том Богу принесе, и хижичу себѣ ту поставиша, и часовню устроиша на единение молитвенное, и многи труды показоваше на мѣстѣ том блаженный, подвигом многим подвижахся. И церковь постави ту во имя иже во святыхъ отца нашего Николы Чудотворца, и келии учини, и монастырь устрои, яже и донинѣ стоитъ молитвами святаго, и четыре браты присовокупи ту к прежереченнымъ двема братами си, сам же преподобный седмый обрѣтается в братствѣ своемъ» ¹⁸.

Прожив на этом месте семь лет, Антоний был вынужден покинуть его, поскольку местные жители из веси Скроботово изгнали святаго: «Поживѣ же преподобный на том мѣстѣ семь лѣтъ. Ненавидѣй же добра роду человеку диавол-завистникъ воздвизаетъ люди неблагодарныя от приближающияся тамо вѣси, Скроботово зовомая, на святопомазанную ту главу: ропотъ великъ воздвигше и согнаше святаго Антония и со братию его оттуду, якоже втораго Димитриа чудотворца Прилуцкаго жители Авнежския веси, помыслиша бо в себѣ, яко “великий сей старецъ близ нас вселися, по малѣ времени съвладѣетъ нами и селитвы нашими”» ¹⁹. В 1895 г. церковный историк Никодим (А. Кононов) отметил существование устного предания о негостеприимной встрече местными жителями Антония Сийского: «Ныне на этом месте находится часовня во имя св. Николая Чудотворца. Местные жители почти до последнего времени жили крайне бедно – по общему убеждению за несправедливое отношение к преп. Антонию, но ныне, когда стали с верою чтить его – их дела стали лучше» ²⁰.

Далее путь Антония Сийского снова лежал к реке Емце: «И тако преподобный утвердивъ братию свою на степени трѣпѣнія, изыде с ними изъ обители своея, якоже древле Авраамъ изъ дому своего и отчѣства, и уклонися на сѣверныя страны, и проходивъ же непроходимыя лѣсы, и дебри, и дрязги, иже прилежать Студенаго моря-акиана, и мхи, и блата непостоянныя, и озера многа, ищуще благопотребна мѣста, идѣже Богъ наставитъ ихъ» ²¹. По дороге он встретил местного жителя Самуила из веси Бросачево: «Всецѣдрый же Богъ готовъ услышати молитву раба

своего, устраивает сие – приити святому на мѣсто сие святое. Воздвизает христоролюбива мужа нѣкоего, иже жителство имѣя в предѣлах Емецкого стану глаголемаго, в веси, нарицаемѣй Бросачево, ему же имя Самоиль. Во умѣ вложи ему ити на Лѣшие на далние озера ловитвы устроить, якоже обычей имут творити жители окрестных весей. Шедшу же мужу сему въ внутреннюю пустыню на далние озера. Ему же ловы дѣюшу, Божиим мановением зрит одесную себе въ внутренней пустыни при некоем потоцѣ множество инокъ, молитву дѣющих, посреде же их Антонина, яко нѣкоего ходатая или молитвенника к Богу руцѣ на небо простерша, правильныя своя молитвы приносяща Богови»²².

Самуил показал монахам место для основания монастыря: «И по мнозѣмъ наказании духовнѣмъ вопросившу его преподобному о благоуднѣмъ мѣстѣ, идѣже вестъ благопотребно на вселение инокъ. Ему же обѣщавшуся показати желаемое им и приведе их на далное езеро, зовомое Михайлово, в негоже течет рѣка, глаголемая Сиа, изо многихъ озеръ протече, и показа имъ мѣсто зело благоудно къ иноческому спасению»²³. Память о Самуиле, который привел святого на место будущего Антониево-Сийского монастыря, существовала у жителей Емецкого стана и в более позднее время. Так, в одном из чудес 1669 г., которое находится в рукописи ГИМ. Собр. Чудова монастыря. №342 (40), рассказывается о чудесной находке золотого слитка на поле во время жатвы жителем веси Бросачево Семионом и его женой²⁴. В данном тексте автор замечает о Семионе, что он из рода того самого Самуила, «...иже влечашеся сродствомъ воспоминаемому Самоилу, еже показа преподобному Антонию место сие святое, на немже обитель устроися святаго»²⁵.

На острове, находящемся на озере Михайловом, куда привел монахов Самуил, Антоний, как говорится в Житии святого в редакции Ионы, установил крест: «Преподобному же обшедшу святое то мѣсто, и обозрѣвъ всюду, и возлюби е зѣло, радости многи исполнися, воздѣвъ руцѣ на небо, благодарныя молитвы Богу воздаяше ... Преподобный же отецъ нашъ Антоние *крестъ водрузи на мѣстѣ*»²⁶. При этом особо подчеркивается нечистота и запущенность места, на котором затем будет основан монастырь, и приводится подробное его описание: «Мѣсто же оно, идѣже святой Антоние вселися съ духовною своею братиею, непроходимыя дебри, и лѣсы темныя, и чящи, и дрязги великия имат, и мхи, и блата непостоянныя, в нихъ же живяху дивии звѣрие – медведи, и волци, елени, зайцы, и лисицы – множество много их, яко скоту, бяше; озера имат многи окрестъ себе глубоки зѣло, водами всюду, и лѣсом, и мхами, и блаты, яко стѣною, окружено. И от создания же мира никтоже от чело-векъ живяше на мѣстѣ том, дондеже преподобный вселися, но мною, яко судьбами Божиими изыначяла ждаше мѣсто то преподобнаго»²⁷.

Традиция поставления святым подвижником креста как символа освящения пространства (до этого бывшего нечистым), известна еще с предания об апостоле Андрее Первозванном, который поставил крест над Киевскими горами, освятив таким образом место основания города Киева: «Онѣдрѣю учащу въ Синопии и пришедшу ему в Корсунь, увѣдѣ, яко ис Корсуня близъ устьѣ Днѣпрское, и въсхотѣ поити в Римъ, и проиде въ устьѣ Днѣпрско, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ. И по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: “Видите ли горы сия? – яко на сихъ горахъ восияетъ благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать”. И, въшедъ на горы сия, благослови я, и постави крестъ, и помолився Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣ же бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ»²⁸.

В устной и письменной традиции Северного края существуют и другие упоминания об освящении подвижником пространства: святой водружает на определенном месте сначала крест, затем над ним возводятся часовня, храм, много позже на этом месте вырастает монастырь²⁹.

Действия Антония Сийского, связанные с воздвижением креста на месте будущей обители, реально проявляют символический смысл евангельской цитаты: «Возмите *иго Мое на себе* (Здесь и далее курсив мой. – Е.Р.), и научитесь о Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душам вашимъ» (Матф. 11:29). Не случайно в Житии Антония Сийского эта евангельская цитата приводится дважды³⁰.

Для автора Жития понятия «иго» и «крест» являются тождественными. Не случайно после описания установления креста на месте будущей обители в Житии Антония Сийского приведена молитва Антония Богу, в которой возникает тема креста как Христова ига: «Сам же преподобный колѣни преклонъ, со слезами моляшеся, сие глаголя: “Владыко Вседержителю! К Тебѣ бо прибѣгаемъ, и от Тебѣ милости ожидаем, и на щедроты Твоя надѣмся, приидохом в пустыню сию, и *взяти крестъ*, и последовати Тебе...”»³¹. Та же тема звучит и в службе Антонию Сийскому первоначальной редакции, составленной иноком Антониево-Сийского монастыря Ионой. В кондаке святому читается «крест»: «От юности, преподобне, плотскую волю в постѣхъ и молитвахъ истончил еси, *крестъ свой взем*, Христови послѣдова»³². В одной из стихир «на хвалитехъ» в Службе Антонию Сийскому – «иго»: «Преподобне отче блажене Антоние, *иго Христово на рамо си взем*, добродѣтели верхъ усердно достиг еси»³³.

В других редакциях Жития Антония Сийского указывается, что святой ставил крест и на других этапах своего следования на Михайлово озеро.

В поздней Исторической редакции произведения приводится более точное расстояния в верстах относительно пути святого, причем только в тексте данной редакции говорится, что Антоний поставил крест в местечке Кассианово и хотел основать там храм Рождества Богородицы, но по некоему явлению божественному ушел оттуда на реку Емцу: «Преподобный же Антоний с подруги своими уклонися по величѣй рецѣ Онезѣ на сѣверную страну, яко сѣмьдесятъ поприщъ и вяще. И достигше мѣста, зовомаго Кассианово. Возлюбѣ преподобный мѣсто то, бѣ бо красно зѣло. *Крестъ постави*, мысляше водрузити храм во имя Рождества Пресвятыя Богоматере, но нѣкимъ божественнымъ явлениемъ увѣщанъ на восточную страну, оттуду яко *двадесять пять поприщъ преиде на верхъ* великия рѣки Емцы на мѣстѣ, зовомом Темной пороги, имущемъ разстояние от реки и от веси Шелексы яко *за три поприща* водворися. И молитвенный храмъ, таже церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, и келлии на препокоение воздвиже, и братии четыре присовокупѣ»³⁴. После изгнания Антоний «ко предѣломъ Двинския страны к помяновенной рѣцѣ Емцѣ отъиде. И не по мнозѣхъ днѣхъ достигоста единаго озера, зовомаго Угловатое, имущаго разстояниемъ от мѣста, идеже потомъ обитель бысть, яко *пять поприщъ*»³⁵.

В Сийской редакции произведения, составленной в Антониево-Сийском монастыре на рубеже XVI–XVII вв.³⁶, указывается, что Антоний установил крест и на том месте на реке Емце, откуда он потом отправился на озеро Михайлово после встречи с крестьянином Самуилом. Некоторые особенности текста Сийской редакции свидетельствуют о хорошем знании автором монастырской топографии. В ней более конкретно, с упоминанием местных топонимов, описывается место встречи Антония Сийского с охотником Самуилом, с которым связан в первоначальной редакции выбор места для основания будущего монастыря, и отмечается, что на этом месте был крест и беседка: «Проходяще же непроходимыя те мѣста, дошедше ста при потоцѣ некоем, иже между двема ездѣры *Устьянцовымъ и Угловатым* зовомыми, правильныя молитвы вкупѣ творяше с братиею, идѣже и *доныне крестъ водружен и бесѣда*, на ней же преподобный от путнаго прехожѣнія покой примаше»³⁷.

Эпизод из Жития Антония Сийского, повествующий о сооружении креста на Емецкой дороге св.Антонием, в рукописи 80-х гг. XVII в. НСРК.Q.273 (РНБ), сопровождается несколькими миниатюрами (всего в рукописи 65 миниатюр, выполненных пером, а затем раскрашенных). Они сюжетно связаны между собой: на первой из них показана рубка деревьев для креста³⁸, а на следующей изображены молящиеся перед установленным крестом иноки³⁹. Изображение креста служит фоном

для последней из этого своеобразного триптиха миниатюры, на переднем плане которой помещены фигуры четырех монахов, сооружающих деревянную часовню⁴⁰.

Сюжетный эпизод, рассказывающий о поставлении креста Антонием на реке Емце, найдет свое дальнейшее развитие в более поздних монастырских памятниках, связанных с почитанием Антония Сийского и монастырских святынь, в частности, в Повести о кресте на Емецкой дороге, включенной в состав Жития Антония Сийского монастырских редакций XVII–XVIII вв. – редакции игумена Феодосия и Исторической редакции.

Повесть о кресте на Емецкой дороге непосредственным образом связана с историей Антониево-Сийского монастыря и отражает почитание св. Антония. В ней рассказывается о том, как в 1672 г. установилась благоприятная погода после молебного шествия монахов Антониево-Сийского монастыря и жителей Емецкого стана к кресту, поставленному Антонием и его учениками на месте, выбранном ими после вынужденного ухода с реки Шелексы: «О явлении преподобнаго и Богоноснаго отца нашего игумена Антония чудотворьца, како начася ходъ къ Животворящему кресту, идѣже онъ со ученики своими *первѣе водрузи крестъ на Емецкой дороге*»⁴¹. В произведении указывается время поставления креста Антонием – 1520 г.: «...идѣже *первѣе водрузися пречистый и Животворящий крестъ сей въ лѣто 7028-го [1520] году...*»⁴². То обстоятельство, что главным действующим лицом произведения является Антоний, оказало влияние на дальнейшую рукописную историю Повести о кресте на Емецкой дороге. Она стала рассматриваться как одно из чудес преп. Антония и помещаться в Житие Антония Сийского в редакции игумена Феодосия в разряд посмертных чудес. Бытование Повести о кресте на Емецкой дороге в рукописной традиции говорит о том, что ее создание связано с именем игумена Феодосия. Вероятно, она была составлена по поручению игумена Феодосия или им самим вскоре после событий 1672 г. и не позднее 1688 г., времени преставления игумена Феодосия⁴³.

Почитание креста на Емецкой дороге в дальнейшем нашло свое отражение в письменной монастырской традиции.

Так, все известные списки Исторической редакции памятника в своей завершающей части содержат рассказ о кресте на Емецкой дороге и описание трех чудесных исцелений произошедших в 1712–1719 гг.

В Исторической редакции под 1712 г. описывается чудесное прозрение слепой жены Ксении из Черевковской волости: «И по не мноземъ времени прииде та жена по обитель преподобнаго Антониа, и молебное

пение соверши. И посем приложися к раце святого, и молящися со слезами на многъ часъ. Та же поиде на место то, идеже честный крестъ водружен бысть, и тамо молебная пения соверши честному кресту. И молящися со слезами, призывая на помощь преподобнаго Антония. Посем же ведоша ю ко озеру, именуему Угловатое, и умы она въ томъ езере лице свое и очи. И абие в той часъ прозре и нача совершенно видети очима, якоже и первее»⁴⁴. В 1713 г. совершается исцеление от болезни ног жены Анны из города Архангельска: «И въскоре на сказа то помышление своим домашним и веляше им, чтобы они свозили ея в Сийский монастырь помолитися преподобному Антонию, и на место то идеже он, преподобный, водрузилъ честный крест со ученики своими, у езера, именуемаго Угловатое. Домашние же жители, слышавше сие доброе ей намерение и веру, и велми о семъ похвалиша ю, и въскоре поидоша с нею во обитель преподобнаго Антония, и на место то, идеже крест водружен бысть. Егда же доидоша места того, и приведши ю ко кресту, она же узревши честный крест, падши поклонися и лежаще на земли, моляся со слезами, призывая на помощь Христа Бога и преподобнаго отца нашего Антония. И абие в то время начаша молебная пения совершати к честному кресту Господню и к преподобному Антонию Сийскому чудотворцу. И по совершении же молебнаго пения взявше ю оттоле и привелоша ко озеру, именуемое Угловатое. Она же в том езере омы водою болние свои ноги. И абие в той час преста скорбети ногами и бысть здрава, якоже и прежде сего, и о сем велми благодаряше Бога и преподобнаго Антония»⁴⁵. В 1719 г. происходит избавление от зубной болезни жены Феодосии из Прилука: «По некоем же времени прииде той жене во ум помышление сиецвое, идеже преподобный Антоний Сийский чудотворец водрузил крест со ученики своими у езера, именуемаго Угловатое, в то время, когда он идяше с ними на место, идеже его ныне пречестная обитель стоит. И не по мнозем же времени прииде та прежде помянутая жена к тому честному кресту, и поклонишася ему со всяким благоговением и с воздыханием сердечным, и облобыза его с велиим страхом. И молящися со слезами надолзе, и с велиею верою призывающи на помощь Христа Бога. И по сем абие прикоснуса к дереву креста того и зубами своими болными мало угризе подножия у того креста. И в той час абие престаха у нея зубы болети, и бысть здрава, яко никогда же боле. И о сем велми благодарящи и славящи Христа Бога, та же поклонишася честному тому кресту, и сие рекущи: “Радуйся, кресте Господень, вселенная утверждение, недужных врачу и прочая”»⁴⁶.

Отметим, что исцеления происходят как от креста, поставленного Антонием на реке Емце, так и от воды в озере Угловатое, неподалеку от

которого крест был установлен. Таким образом, описания этих чудес отражают почитание двух монастырских святынь, связанных с Антонием Сийским – креста на Емецкой дороге и озера Угловатое. В дальнейшем народная традиция, памятуя о чудесных исцелениях от воды озера Угловатое, переименовала его в «Святоозеро», а лес, в котором был установлен св.Антонием крест, в «Крест-бор»⁴⁷.

История почитания креста на Емецкой дороге Антониево-Сийским монастырем окрестным населением описывается в Повести о кресте на Емецкой дороге. Особое внимание уделяется в ней деятельности игумена Феодосия. В 1668 г. по повелению Феодосия была написана икона Распятия креста и внесена в новую часовню, построенную на месте креста, поставленного св. Антонием: «Оттолѣ же его (Антония. – Е.Р.) поставления крестъ той стоялъ до лѣта 7186 [1668]-го. И того же лѣта повелѣниемъ тоя обители игумена Феодосия, еже о Христѣ съ братією, написано бысть Распятие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Пречестный и Животворящий Крестъ мудрыми хитрецы-иконописцы, ихже трудами рукодѣлия их написано бысть после великаго пожара новой Дѣисусъ и съ прочими иконами тоя обители въ соборной каменной церкви Пресвятыя Троицы. И того же лѣта построися на томъ мѣсте иконостасъ, сирѣчь часовня»⁴⁸.

В Исторической редакции Жития Антония Сийского, помимо описания трудов игумена Феодосия по написанию иконы Распятия Господня и устройства часовни на месте креста⁴⁹, прослеживается дальнейшая история почитания монастырской святыни, связанная с именем первого архимандрита Антониево-Сийского монастыря Никодима. Рассказывается о том, что в 1721 г. на месте уже ветхой часовни, построенной по поручению игумена Феодосия, был возведен новый молитвенный храм и написаны новые иконы для него: «И стоял тот молитвенный храм до лета семь тысяч двести двадесят девятого, а от воплощения Бога-Слова тысяща семь сот двадесят перваго. И велми оный храм обѣтшавши и по повелению тоя же обители архимандрита Никодима з братією на том месте поставлен бысть вънове молитвенный храм. И тот честный Животворящий крест писанный перенесен бысть в тот новопоставленный храм со всякою честию и поставлен на уготованном месте, якоже подобаше. И того же вышереченнаго лета быша вънове написаны святыя иконы многія на поклонение правоверным людем в той новопоставленный храм внесены быша и достойне честне поставлены и зрими есть всеми православными христианы и до сего дни»⁵⁰.

В 1728 г. на месте Антониева креста архимандритом Антониево-Сийского монастыря Порфирием была сооружена Крестовоздвиженская

церковь. Епископ Архангельский и Холмогорский Макарий (Миролюбов), описывая в 1878 г. строения вне стен Антониево-Сийского монастыря, замечает об этой церкви: «Во имя Живоначального Креста на дороге ко Емецкому селу от монастыря в 8 верстах устроена на место прежде бывшей там часовни, построенной в память пришествия преподобного Антония в то место, где он во первых водрузил крест между двумя озерами Угловатым и Ляпозером. Оная церковь построена по грамоте преосвященного Варнавы, архиепископа Холмогорского и Важеского 1728 года при архимандрите Порфирии и освящена в том же 1728 году в ноябре месяце по другой грамоте того же преосвященного Варнавы архимандритом Порфирием. В сей церкви отправляема была до состояния штатов жившими там поочередно иеромонахами каждодневная служба. Сам преподобный Антоний особенно любил сие место, ибо и по преставлении его многие чудеса явлены были на сем месте»⁵¹. Об этой же церкви писал в конце XIX в. Вс. Перовский: «Другая деревянная церковь, Крестовоздвиженская, находится от монастыря в 8-ми верстах по дороге к Емцу. Расположена она у озера Угловатого на том месте, где св. Антоний встретился с крестьянином Самуилом, указавшим ему место для обители. Место высокое, узкое, поросшее лесом. В прежнее время – до 1674 года – здесь был род скита и ежедневно отправлялось богослужение. Нынешняя церковь перестроена из прежней на месте ее в 1895-6-м годах и освящена настоятелем монастыря 14 сентября 1896 г.»⁵².

Как свидетельствуют письменные памятники Антониево-Сийского монастыря, крест на Емецкой дороге после чуда 1672 г. стал обетным⁵³.

Так, в Повести о кресте на Емецкой дороге сообщается о том, что после чудесного разрешения надвигавшейся катастрофы начинается ежегодное почитание креста: «И оттолѣ начаша ходити на то мѣсто предреченное ко кресту молебнаго ради пѣнія *по вся лѣта* со кресты со множеством народа совершающе молебное пѣние»⁵⁴. О совершении ежегодного крестного хода к кресту на Емецкой дороге подробно повествуется и в Исторической редакции Жития Антония Сийского: «И с того времени нача ход бывати по вся лета на то предреченное место к Животворящему тому кресту Господню с честными иконами. Настоятелю сея пречестныя и святыя обители со священники и дяконы и со всею братиею, в путешествии же поющим многия каноны святым, молящеся с всяким молчанием и сокрушенными сердца. Такжеже и околним священником приходящим на то же место со множеством народа, в путешествии же творящим им многия же литии и каноны. Народи же послушающе божественнаго пения со всяким благоговением и с велиим

страхом и умилением мнозем, и в молитве же пребываше, горе ум имуще. И абие приходяду на пред указанное место то, и молебная пения тамо совершахуся и водоосвящение, по церковному обычаю со всяким благоговением, якоже подобаше»⁵⁵.

Традиция крестного хода к месту установленного Антонием креста на Емецкой дороге продолжалась и в конце XIX в. Как правило, крестный ход совершался 1 августа и 14 сентября, а также в первую неделю Петрова поста. Вс. Перовский в своем издании описал последовательность крестного хода из Антониево-Сийского монастыря к Крестовоздвиженской церкви на озере Угловатом, поставленной на месте Антониева креста, и водосвятный молебен на самом озере, свидетелем и участником которых он, вероятно, бывал и сам: «В некоторые дни совершаются крестные ходы за стены монастыря. Первый из таких ходов бывает в первое воскресение Петрова поста в воспоминание прекращения по молитвам преп.Антония ненастной и холодной погоды, угрожавшей неурожаем хлеба в 1672 году. С вечера в монастырь приходят крестные ходы из Сийского, Челмохотского, Хоробрицкого и Брин-Наволоцкого приходов. Совершается соборне всенощное бдение преподобному Антонию. Утром, после ранней литургии, соединенный крестный ход отправляется на баркасах по Михайлову озеру, проезжают около 6-ти верст, пристают к берегу около “Беловского” креста и идут до Крестовоздвиженской церкви. К этому времени в церковь приходят уже крестные ходы из Ратонаволоцкого и Ваймужского, а иногда и Емецкого приходов. Здесь совершается божественная литургия, после нее водосвятный молебен на Угловатом озере и затем крестный ход кругом церкви с пением молебна кресту и преп.Антонию. После окончания молебствия крестные ходы возвращаются обратно в том же порядке. По прибытии в монастырь бывает трапеза, после коей уходят восояси и крестные ходы, прибывшие накануне. К той же Крестовоздвиженской церкви совершается из монастыря крестный ход 1-ого августа и 14 сентября. Но в эти дни из посторонних участвует только один крестный ход из Ваймуги. В церкви обычным порядком совершается литургия, а после ней – водосвятный молебен на озере и крестный ход вокруг церкви»⁵⁶.

Письменные и устные источники сообщают о других святынях, связанных с Антонием Сийским и монастырем, им основанном.

В Житии Антония Сийского первоначальной редакции в главе «Чюдо святаго о ятии множества рыб» рассказывается об одном из прижизненных чудес св.Антония, которое связано с переименованием одной тони на озере Михайовом. Антоний несколько раз посылает монахов на рыбную ловлю на озеро Михайлово к местечку Красный нос, откуда

они всякий раз возвращаются без улова, и только по благословению Антония им выпадает удачный улов. После этого, как пишется в Житии, тоня стала зваться «Антониева»: «Оттолѣ же обыче и зватися тоня сиа, в ней же уловиша множество рыбѣ яша по благословению словеси свя-таго, Антониева тоня»⁵⁷.

Е.Л. Березович приводит современные сведения из топонимии Летнего берега, также относящиеся к промысловой деятельности Антониево-Сийского монастыря: «около д. Лопшеньга находится тоня *Сись-ка*. Косвенные падежи этого топонима (*на Сиськой, к Сиськой*) указывают, что перед нами прилагательное (стяженная форма именительного падежа прилагательных – распространенное явление в севернорусской топонимии). Скорее всего, следует восстановить исходную форму «Сийска(я)»⁵⁸, т.к. есть историческое свидетельство о том, что тонями у д. Лопшеньга длительное время владел Антониево-Сийский монастырь⁵⁹. Однако, как отмечает Е.В. Березович, «в настоящее время воспоминания о деятельности монастырей практически стерлись в памяти носителей топонимической системы». Она приводит другую мотивировку топонима Сиська тоня, сообщенную одним из информантов: «там мелко место посреди, бат, как сиська торчит»⁶⁰.

Существует еще одно гидронимическое предание, относящееся к Антониево-Сийскому монастырю. В нем объясняется происхождение названия Михайлово озеро, на котором был основан монастырь. Это предание было опубликовано в конце XIX в. А. Кононовым: «С Михайловским озером связано такое предание: при одном из игуменов-преемников преп. Антония в Михайловском озере иноки стал видеть огромную щуку, которая хватала иногда и скот, пасшийся по берегам озера. С большим усилиями они выловили эту щуку, сожгли, а пепел развеяли по воздуху. При этом нашли в носу ее золотое кольцо с именем Михаила и хронологической пометкою, из коей стало видно, что щука жила более 100 лет... На память об этом событии оставили один позвонок, заключив, что озеро называется Михайловским от имени того Михаила, который пустил щуку. ... Достоверность этого предания подтвердить нет никаких данных, тем более, что и позвонок скорее не щуки, а одного из ископаемых животных (его объем более 8 дюймов)»⁶¹.

О других сакральных местах, связанных с Антониево-Сийским монастырем и его основателем, говорит Е.Л. Березович, справедливо считая, что мы имеем дело в данном случае с «развернутыми комплексами культовой этиологии»: «недалеко от Антониево-Сийского монастыря (Холм), на левой стороне дороги из д. Монастырь в с. Емецк находится оз. *Святоозеро*, рядом с ним – лес *Крест-Бор*. По утверждению инфор-

мантов, “в Крест-боре духи живут”, “в этом бору крест большой стоял” (Заборье, Большая Гора). У самого монастыря – оз. Дудницы, на нем залив *Преподобное* (= *Антония Преподобного* = *Сийско Гребло*), рядом расположено ур. *Успенье* – “название по празднику Успеньев день, который отмечался монахами монастыря” (Усолье). На пути к монастырю развилка дорог, которая называется *Антониева Ручка* – “по преданию, здесь святой Антоний отдыхал” (Нерефиха)»⁶². Таким образом, по мысли исследовательницы, «святое название в данном случае как бы скрепляет комплекс обозначений культовых объектов, определяя общую тональность этого комплекса»⁶³.

Антониево-Сийский монастырь являлся центром сакральной топографии края. Северные монастыри и храмы в основном строились по берегам рек. В Житии Антония Сийского в редакции Ионы подробно описывается островная топография Антониево-Сийского монастыря: «Бяше же святая сиа обитель устроися от миру далече, на диком лѣсу, посреде многих вод, за пять поприщ или болѣ отстояние имат от мирских пребывании, водами всюду огражено, яко и келиам на водах стояти, даже и до сего дне молитвами святаго. Стязя же приводяшиа столы человека не многи имат, но единым путем приити или отъити, понеже бо многимъ озером окрестъ святыя сея обители всюду обышедшимъ, якоже рѣкох вначалѣ, обители сея святыя; из нихъ же река Сиа протече изъ езера въ езеро, якоже нѣким союзом связаным имъ быти рекою сею, яко кому увидѣвъ – удивитися имат неизреченънѣй премудрости Божии, како изначяла устрои святое то мѣсто. Посему же убо святая сиа обитель монастырь Сийский обыче имяноватися, понеже чрезъ езеро, Михайлово зовомое, на нем же обитель сиа святаго стоит, прежереченная рѣка Сиа мимо манастирь протече и паки во ино озеро выйде, Плоское глаголемо, и в великую реку в Двину впаде, яко монастырю сему преподобнаго промеж устии стояти реки сея, Сии глаголемыя, на малом сем островку и до нынѣшняго дне молитвами святаго»⁶⁴. В Исторической редакции Жития также указывается на то, что Антониево-Сийский монастырь был построен на острове: «И той о езерѣ Михайловѣ и о сущем на нем островѣ, идѣже устроися обитель...»⁶⁵.

Отметим, что в описании пустыни в местечке Дудницы, которую основал Антоний, впервые удалившись из монастыря, желая уединения, говорится, что она была основана также на острове: «Пошед в верхъ Сии рѣки и тамо доиде езера, глаголемаго Дудница, на нем же езере том, Дудници глаголю, остров велми красенъ и к пустынному жительству благопотребенъ зѣло. Обшед же преподобный острова того, и обозрѣ его всюду, и возлюби и велми. Бяше же островъ той от великиа обители

за три поприща расстоянием. Окрестъ же острова того многия езера всюду облежаху, и река Сиа чрезъ озеро то течяше мимо островъ той, и леса непроходимыя, и мхи, и болота непостоянныя окружающе, прилежаху прямо острову тому»⁶⁶.

Как считает Н.М. Теребихин, строительство монастырей на острове имело символическое значение. «Остров, – отмечает Н.М. Теребихин, – являлся не только границей, разделяющей все мировое пространство на поюстороннее и потустороннее, но и центром иного мира. Центральное местоположение острова в системе сакральной географии обусловило превращение его в центр монастырской жизни Русского Севера»⁶⁷. Остров, таким образом, представал «сакральным центром Северной Фиваиды»⁶⁸.

Антониево-Сийский монастырь являлся также своеобразным географическим и духовным центром для населения Двинского края. Примечательно, что во многочисленных описаниях чудес, которые сопровождают севернорусские жития святых – основателей монастырей и храмов на Русском Севере, встречаются, как правило, указания на версты от монастыря.

Так, например, в Житии Антония Сийского в рассказах о чудесах указывается расстояние в поприщах, которое отделяет место жительства исцеленного от Антониево-Сийской обители: «Человекъ нѣкий, Тимофей имянемъ, нарекованый Долгининъ, жителство имѣя недалече от обители святаго, яко за десять поприщъ или вяще Емецкого стану в вѣстѣ нѣкоей» («О бѣснующемся отрокѣ вторѣмъ, исцѣлвшемъ от чюдотворнаго образа Живоначальные Троици»)»⁶⁹; «В нѣкоей вѣси, Брилинъ Наволокъ имянуемый, человекъ нѣкий, Фома нарицаемый, жителство имѣяй яже недалече от обители святаго, яко за пять на десять поприщъ отстояния имать или вяще» («Ино чюдо святаго»)»⁷⁰; «Человекъ нѣкий, Тимофій имянуемый, пореклому Рябокъ, жителство имѣя в Двѣньстей области Емецкаго стану, на Прилукѣ глаголемемъ, от обители святаго недалече расстояние имать, яко за десять поприщъ или болши» («Чюдо преподобнаго отца нашего Антония Сийского чюдотворца о слѣпомъ человекѣ нѣкоемъ, его же исцѣли Живоначальная Троица»)»⁷¹; «Попъ нѣкий, Харитонъ имянуемый, живение имѣя недалече от обители святаго, яко за десят поприщъ расстояние иматъ въ прежереченѣмъ Емецкомъ стану глаголемемъ, служаше Прѣстоу Рожества Иоанна Предтечи» («Чюдо о попѣ нѣкоемъ, его же преподобный Антоние наказавъ за маловѣрие душа его и явлениемъ нѣкоимъ и паки исцѣление дарова ему, покаявшуся ему чистѣ»)»⁷²; «Волостька нѣкая, Сия глаголемая, на той же рекѣ Сие предстояние имать, на ней же обитель преподобнаго, за седмъ поприщъ от

обители его святая» («Ино чудо преподобнаго Антония о слѣпомъ человеци нѣкоем, его же преподобный Антоние исцѣли явлением своим в дому его»)⁷³.

Из описаний некоторых чудес, сопровождающих Житие Антония Сийского на разных этапах бытования памятника во многовековой рукописной традиции, прослеживается тенденция к оформлению территориальных границ почитания святого и монастыря, им основанного. В одном из чудес XVII в. описывается явление Антония Сийского бывшему жителю монастырской вотчины Антониево-Сийского монастыря — Емецкого стана с «прещением» о том, что тот обращается за помощью в своих молитвах к Зосиме и Савватию Соловецким и «обещается» в Соловецкий монастырь, а не в Антониево-Сийский: «Того же Емецкого стану Хаврогорской волости Сийского монастыря христианинъ, именем Гаврииль, преселившуся ему во ину весь. И по преселении нача быти скоту его велий падеж, дондеже не оста ни едино животно. Ему же скорбящу велми, и купивъ доилицу, и от тоя доилицы обещався дати телца в Соловецкий монастырь, чтобы ему за молитвъ преподобных отецъ Зосимы и Саватия дароваль Богъ приплодь скоту. Яви же ся ему преподобный чудотворецъ Антоний и понося ему, глаголя: “Обещаешь во инъ в чужий монастырь, и нас презираеши, свой монастырь уничижить еси”. Гаврииль же воспрянувъ от сна и разбуди вся спящия в дому своем, и помолися пред образом всемилостиваго Спаса, и Пречистей Богородицы, и преподобнаго Антония чудотворца молитвы призывая и обещая дати телца. И оттоле милостию посети Богъ домъ его и дарова ему изобилие скота, а обещанный телець в Соловецкий монастырь паде»⁷⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Березович Е.А. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 285.

² См., напр.: Теребихин Н.М. Сакральная топонимия Русского Севера: (К постановке проблемы) // Вопросы топонимики Подвижья и Поморья. Архангельск, 1991; Он же. Сакральная география Русского Севера: (религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993; Он же. Мифология островной культуры Русского Севера // Смерть как феномен культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1994. С. 107–115; Лиса Г.И. Відображення евангельського ономастикону в письмових пам'ятках Південної Русі // Питання історичної ономастики України. Київ, 1994; Черепанова Е.А. Микропонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984; Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176; Панченко А.А. Исследования в области народного православия: деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998; и др.

³ *Березович Е.А.* Указ. соч. С. 285–286.

⁴ *Лиса Г.И.* Указ. соч. С. 100.

⁵ *Черепанова Е.А.* Указ. соч. С. 181, 249.

⁶ *Ключевский В.О.* Курс русской истории: Собр. соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 237.

⁷ *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 32–33.

⁸ Там же. С. 175.

⁹ БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 101 об.–102 (глава «О пострижении святого»).

¹⁰ Там же. Л. 102 об.–103.

¹¹ Подробнее об Исторической редакции Жития Антония Сийского см.: *Рыжова Е.А.* Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского: Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар, 2000. С. 184–195.

¹² Отметим, что в Житии вологодского святого Филиппа Ирапского также встречается рассказ о явлении Филиппу ангела под сосной с предсказанием иноческого поприща (См.: *Крушельницкая Е.В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб., 1996. С. 183).

¹³ БАН. Архангельское собр. Д. 558. Л. 10 об.

¹⁴ Там же. Л. 10 об.–11.

¹⁵ ГИМ. Собр. Е.В. Барсова. № 1078. Вклейка между л. 132 и л. 133.

¹⁶ БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 112.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 112–112 об.

¹⁹ Там же. Л. 112–113 об.

²⁰ *Кононов А.* Преподобный Антоний Сийский чудотворец и церковно-историческое значение основанной им обители. СПб., 1895. Примечание 8. С. 1.

²¹ БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 115.

²² Там же. Л. 115 об.–116.

²³ Там же. Л. 116 об.–117.

²⁴ ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 342 (40). Л. 202 об.–204.

²⁵ Там же. Л. 202 об.

²⁶ БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 117–117 об.

²⁷ Там же. Л. 118 об.–119.

²⁸ *Повесть временных лет* // Изборник. М., 1966. С. 30.

²⁹ О монастырской колонизации Севера как о процессе сакрализации пространства, который заключался в развертывании образа Креста в сакральные объекты – часовню–храм–монастырь, писал Н.М. Терсехин. См.: *Терсехин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. С. 56–57. В других севернорусских житиях, в частности, в Житии Зосимы и Савватия Соловецких, также рассказывается о поставлении креста на месте основания Соловецкого монастыря (об этом говорится во всех редакциях памятника, за исключением III Краткой редакции. См.: *Минеева С.В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.): В 2 т. Т. II. М., 2001. С. 13, 92, 154, 205, 265, 285, 306, 325, 375).

³⁰ «Ты бо рекль еси, Владыко мой Господи: “Приидѣте ко Мнѣ вси тружашеся и обременени, и Азь покою вы. Възмѣте иго Мое на ся и научитеся от Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ”» (БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 102 об.); «...въ Евангелии глаголющее: “Возмете иго Мое на ся и научитеся от Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ”» (Там же. Л. 144).

³¹ Там же. Л. 118.

³² «Кондак, глас 8. Подобен. Възбранной». БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 78.

³³ Там же. Л. 83 об.–84.

³⁴ Там же. Л. 14 об.

³⁵ Там же. Л. 15 об.

³⁶ О Сийской редакции Жития Антония Сийского см.: *Рыжова Е.А.* Указ. соч. С. 97–108.

³⁷ РГБ. Собр. Д.В.Пискарева. № 111. Л. 118 об.

³⁸ РНБ. НСРК. Q. 273. Л. 51.

³⁹ Там же. Л. 51 об.

⁴⁰ Там же. Л. 52 об.

⁴¹ РНБ. Собр. СПб ДА. А. II. № 209. Л. 247.

⁴² Там же. Л. 248–249 об.

⁴³ О редакции игумена Феодосия см.: *Рыжова Е.А.* Указ. соч. С. 124–172.

⁴⁴ БАН. Архангельское собр. Д. 558. Л. 81–81 об. («Чюдо о некоей жене»).

⁴⁵ Там же. Л. 82 об.–83 об. («Чюдо о некоей жене»).

⁴⁶ Там же. Д. 558. Л. 86 об.–87 об. («Чюдо о некоей жене»).

⁴⁷ *Березович Е.А.* Указ. соч. С. 231.

⁴⁸ РНБ. Собр. СПб ДА. А. II. № 209. Л. 248 об.–249.

⁴⁹ «От его (Антония. – *Е.Р.*) поставления тот крест стоял до лета семь тысяч сто семьдесят шестаго [1668 г.]. И того вышереченнаго лета повелением тоя обители игумена Феодосия з братиею написан бысть новый честный и Животворящий крест распятие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. И того же лета построен бысть на том месте молитвенный храм и в нем поставлен тот пречестный и Животворящий крест Господень писанный и прочия иконы тамо поставлены быша... И все сие совершися добре и трудолюбное то дело тшанием прежде воспоминаутым игуменом Феодосием...» (БАН. Архангельское собр. Д. 558. Л. 69 об.).

⁵⁰ БАН. Архангельское собр. Д. 558. Л. 70 об.–71.

⁵¹ *Макарий (Миролюбов), еп.* Исторические сведения об Антониево-Сийском монастыре // ЧОИДР. М., 1878. Кн. 3. С. 19–20.

⁵² *Перовский Вс.* Антониево-Сийский монастырь // АЕВ. 1897. № 21 (ч. неоф.). С. 717.

⁵³ В Летописце Антониево-Сийского монастыря записано чудесное видение, бывшее 4 октября 1769 г. на память патриарха Филарета. Жителям елецкого стана Никитке Феодосьеву Смолину и его брату Авдею, которые направлялись в монастырскую больницу, а также Герасиму сыну Кожевникову из Меландовской

волости явился парящий над лесом Антониево-Сийский монастырь. (БАН. Архангельское собр. Д. 375. Л. 64; БАН. Архангельское собрание. С. 186. Л. 209–211). Примечательна приписка, сделанная в Летописце после рассказа об этом чуде: «Отец игумен хотел тамо крест поставити» (БАН. Архангельское собрание. Д. 375. Л. 64; БАН. Архангельское собрание С. 186. Л. 211). Скорее всего, это было сделано, а крест стал обетным. Об обетных крестах на Севере см.: *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 98–99; *Дмитриева С.И.* Мезенские кресты // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 461–462; *Овсянников О.В., Чукова Т.А.* Северные деревянные кресты. (К вопросу о типологии) // Язычество восточных славян. Сб. науч. тр. Л., 1990. С. 60–76; *Теребихин Н.М.* Мифология островной культуры Русского Севера. С. 112.

⁵⁴ РНБ. Собр. СПб ДА. А. II. № 209. Л. 250 об.

⁵⁵ БАН. Архангельское собр. Д. 558. Л. 77–77 об.

⁵⁶ *Перовский Вс.* Указ. соч. С. 717.

⁵⁷ БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 162.

⁵⁸ *Березович Е.Л.* Указ. соч. С. 287.

⁵⁹ *Бернштам Т.А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 44.

⁶⁰ *Березович Е.Л.* Указ. соч. С. 287.

⁶¹ *Кононов А.* Преподобный Антоний Сийский чудотворец и церковно-историческое значение основанной им обители. С. II. Примеч. 9. Фотография позвонка помещена в издании на с. 21.

⁶² *Березович Е.Л.* Указ. соч. С. 231.

⁶³ Там же.

⁶⁴ БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 140–141.

⁶⁵ БАН. Архангельское собр. С. 118. Л. 16.

⁶⁶ БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 152–152 об. (глава «О отшествии преподобного в первую пустыню»).

⁶⁷ *Теребихин Н.М.* Мифология островной культуры русского Севера. С. 112.

⁶⁸ Там же. С. 114.

⁶⁹ БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 311.

⁷⁰ Там же. Л. 201.

⁷¹ Там же. Л. 203–203 об.

⁷² Там же. Л. 208 об.–209.

⁷³ БАН. Архангельское собр. Д. 250. Л. 212 об.–213.

⁷⁴ ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 342 (40). Л. 201–202.